

ТЕРМИНОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

В формирующемся глобальном сообществе главным фактором обеспечения безопасности государства становится уровень человеческого потенциала, во многом определяемый качеством и доступностью образования во всех его формах, состоянием науки и социальным единством. Ключевым фактором любого общества, основанного на знаниях, является развитие национальных инновационных систем, сочетающих инновации в науке, образовании и коммуникациях с развитием инновационных форм предпринимательства и широкого круга инновационных структур. Экономика, основанная на знаниях, как атрибут постиндустриального общества, предполагает переход от собственно товарного производства и высокой сырьевой зависимости к производству продукции с высокой добавленной стоимостью. Как отмечают А.И. Колганов и А.В. Брузгалин, речь идёт о развитии нового качества общественной деятельности, которое состоит в росте доли и роли творческой деятельности, лежащей "по ту сторону" материального производства, использующей и создающей неограниченные "ресурсы" – знания и иные феномены культуры, которые можно лишь распределить, но нельзя потреблять. Это мир, в котором "пирог" подлежащих потреблению благ не ограничен. Более того, природа этого "пирога" – мира культуры (креатосферы) – такова, что он растёт и развивается по мере его "поедания": чем больше "едоков" и чем активнее и больше они едят, тем больше "пирог" – такова фундаментальная закономерность этого мира. Причина проста: творческая деятельность – это не потребление ограниченных материальных ресурсов, а распределение феноменов культуры (например, знаний) [1]. Становится очевидным, что основу благосостояния современного общества составляют не столько территория и/или богатство недр, сколько интеллектуальный капитал, как ключевой ресурс развития государства. Понятие интеллектуального капитала, кроме собственно человеческого, включает организационный и потребительский капитал.

Несмотря на то, что понятие общества знания было введено Петером Друкером еще в 1969 году (примерно в то же время в общественную практику вошли такие понятия, как "образование для всех" – Education for All; "образование на протяжении всей жизни" – Life-long Learning (используются также русскоязычные аналоги "образование через всю жизнь", "образование длиною в жизнь"; иногда ошибочно отождествляют с "непрерывным образованием" – Continuous Education или "образованием для жизни" – Education for Life, последнее связано с освоением знания, необходимого для обеспечения адекватного качества жизни); "обучающиеся сообщества" – Learning Communities, позднее – "обучающиеся регионы" – Learning Regions) и с тех пор детально разрабатывалось, во Всемирном докладе ЮНЕСКО (2005 года) "На пути к обществу знания", который разъясняет значение перехода от концепции информационного общества к концепции общества знания, подчеркивается, что вопрос о том, как построить общество знания, **основанное на общих для всех понятиях** (выделено нами – Л.Р.), так и не был глубоко изучен.

В любом случае необходима переоценка ценностей, обусловленная новым разделением научного труда. Так, важным ресурсом интеллектуализации общества является заинтересованное, позитивное отношение к знанию, выраженное в реальных действиях граждан. При высокой ценности высшего образования в белорусском обществе отношение к нему остается преимущественно утилитарным: образование ценится не столько как возможность получения знаний, сколько как необходимое условие повышения социального статуса, карьерного роста и роста материального благосостояния. Значимость знания как такового отодвигается при этом на второй план. Господствует стереотип "красного диплома" как показателя уровня знаний. Второй стереотип, который необходимо преодолеть, связан с традицией институционального разделения

"между производством знания и его применением" [2, с. 83]. Убежденность в том, что фундаментальная наука есть единственно возможная наука, продолжает господствовать в умах абсолютного большинства научных работников, искренне считающих прикладные исследования чем-то вторичным, не достойным истинной ("настоящей") науки. В лучшем случае принято говорить о "трансфере технологий". Такая постановка вопроса ярко иллюстрирует стереотип долженствования разделения науки и социальной практики, отражая "классический интеграционный модус науки нового времени", который, как известно, "покоился на мысленном разделении между получением знания как процессом познания и применением знания как преимуществом деятельности. <...> это разделение стало религиозным, этическим и политическим условием институционализации науки и остается в официальной риторике по сегодняшний день" [2, с. 81].

Переход к обществу знания неизбежно приводит к тому, что "исследование покидает институциональный корпус науки и пронизывает многие общественные сферы", а "использование прикладного потенциала науки загоняет исследовательскую практику все дальше в общество", таким образом, знание "все больше производится в контексте его использования" [2, с. 82].

ЮНЕСКО определены **четыре краеугольных камня, на которых должно строиться общество знания**: 1) доступ к качественному образованию для всех, 2) информация для всех, 3) свобода слова, 4) сохранение и развитие культурного разнообразия, включая языковое разнообразие. Важность последнего очевидна, поскольку каждый язык отражает "свою" картину мира и уже поэтому является "носителем" уникальных знаний о мире, включая духовный мир народа – носителя данного языка. Культура и язык – это параллельные семиотики, много "говорящие" умеющим постигнуть глубину их значений.

В обществе знания "главным мотивом человеческой деятельности" становится потребность в знаниях – "потребность, которую в принципе невозможно удовлетворить" [3, с. 11]. Вводится понятие "**полезного социального знания**" [4, с. 10] ("полезное знание" как источник экономического роста в современном обществе рассматривал в своих исследованиях Нобелевский лауреат в области экономики, наш земляк, Саймон Кузнец [5]). "Роль знания не ограничивается его влиянием на процесс производства. То, что люди знают – или, вернее, в истинности чего они *убеждены*, – оказывает огромное воздействие на повседневную жизнь" [4, с. 24]. Специфика любого знания заключается в том, что оно существует только в сознании человека, а, будучи отторгнутым от него, превращается в информацию: "Информация – это знание, передаваемое как коммуникация" [2, с. 71]. Всегда существует риск получения от других людей недостоверной информации, когда неверное знание, основанное на убеждении адресанта, или его субъективное мнение "навязывается" адресату как истинное знание. В таких случаях риск "производства" у адресата ложного знания многократно возрастает, а это значительно хуже, чем просто незнание.

Минимизировать риски формирования ложного знания призваны свобода слова (ведь ошибаться могут и признанные авторитеты, поэтому плюрализм мнений так важен), развитие критического мышления, а также широкое распространение достоверной информации, включая специально формируемую государством социально значимую информацию,

направленную на формирование полезного социального знания. Так, в России созданы и функционируют специальные центры социально-значимой информации, в которых, к примеру, можно бесплатно получить CD-ROM "Библиотека общества знаний" (вышел в 2008 г.) и тринадцать компакт-дисков, выпущенных ранее в рамках проекта ЮНЕСКО "Формирование открытых баз данных информационных ресурсов в области образования, науки и культуры": "Экологическая культура и информация в интересах устойчивого развития: текстовые материалы"; "Экологическая культура и информация в интересах устойчивого развития: видеоматериалы"; "Через библиотеки – к будущему"; "Детство и юношество: государственная политика, правовые, социальные и психологические аспекты"; "Профилактика поведения высокой степени риска"; "Медиаобразование, медиапедагогика, медиажурналистика"; "Проблемы интеллектуальной собственности в киберпространстве" и др.

Изменяются понятия качества и доступности образования. Становится очевидным, что качественным можно считать только то образование, которое обеспечивает "страхование" рисков формирования ложного и/или неверного знания, доступность же образования определяется не столько возможностью получения формального образования, сколько обеспечением потребности личности в разнообразных знаниях. В рамках реализации программы ЮНЕСКО "Информация для всех" разрабатываются понятия "медиаобразования", "медиапедагогика", "медиаграмотности", "медиакомпетентности".

Все вышеизложенное актуализирует проблемы терминологии. Действительно, чем точнее определены понятия, "тем лучше с конкретной научной точки зрения раскрыта смысловая структура изучаемого предмета" [6, с. 50]. В этой связи терминология в период перехода к обществу знаний может сыграть роль своеобразного катализатора, эксплицируя основные понятия формирующейся концепции такого общества. Очевидна роль терминологии и с точки зрения минимизации рисков от неверного знания, ведь современные "интеллектуализированные" языки "прирастают", в основном за счет терминологических единиц [7, с. 42]: давно подсчитано [8], что свыше 90% новых слов составляет именно специальная лексика. Терминологический "бум" – следствие, в первую очередь, бурного развития науки и увеличения объема научного знания, что повлекло за собой информационный взрыв, приведший к информационному кризису индустриального общества. В постиндустриальном обществе информационный кризис находит разрешение путем развития современных средств коммуникации, а также путем технологизации процессов хранения, обработки информации и доступа к ней. Современная массовая коммуникация широко использует свойство информационной насыщенности термина и поэтому "проникнута новыми терминами и, в свою очередь, рождает их ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе" [9, с. 45].

Известно, что термины "именуют не сущее само по себе, а лишь гносеологические предметы и обозначают не смысл бытия, а самой же наукой созданные понятия" [6, с. 95]. Именно поэтому термины не принято

рассматривать изолированно, вне терминосистемы, а средой обитания терминов принято считать предметноограниченные подязыки, или языки для специальных целей, противопоставляя их общелитературному языку [7, с. 15-26]: "Глобальное развитие предметно-ориентированной науки привело к мощному развитию собственно научных знаково-выразительных средств, посредством которых означиваются создаваемые научные понятия" [6, с. 99-100], при этом "современный научный термин существенно отличается от обычного слова, так как он представляет собой искусственное знаково-смысловое образование, функционирующее исключительно в пределах определенной научной концепции. Только в этих пределах термин может удовлетворить требованиям точности и однозначности" [6, с. 195]. Приведенные цитаты наглядно иллюстрируют существующее сегодня в области научной терминологии состояние дел, при котором затруднено понимание терминов не только непрофессионалами, но и представителями смежных наук, а зачастую и специалистами различных подобластей одной предметной науки. Это обратная сторона медали институционализации науки, возведенной в абсолют, когда каждая наука формирует свой институт со своим уставом, а, значит, становится потенциально закрытой не только для любого внешнего воздействия, но и для "непрошенных" визитеров "со стороны". Очевидно, что такое состояние дел далеко не адекватно установкам общества знания, так как, во-первых, потенциально ограничивает свободу слова (узкому кругу лиц всегда проще договориться, в том числе и для того, чтобы устранить несогласных с этим договором, имеющих свое мнение, иное, чем принято в данном научном сообществе), а во-вторых, естественным образом возводит преграды на пути распространения информации и затрудняет получение качественного образования, существенно увеличивая риски формирования неверного знания.

Необходим переход от узких предметных терминосистем к "широким терминосистемам", "в рамках которых происходит взаимодействие общеупотребительной, общенаучной (общетехнической) и узкой специальной лексики"; в условиях реализации плюрилингвальной концепции образования особую актуальность приобретает "многоязычие, т.е. распространенность термина в разных языках, его современные переводы и смысловые эквиваленты в системах понятий" [9, с. 44]. Примерами таких "широких" систем, имеющих неравновесное терминологическое наполнение в разных языках, могут служить терминосистемы межпредметной области образовательных услуг или интердисциплинарной области репродуктивного здоровья (исследование данных терминосистем осуществляется в настоящее время на базе кафедры общего и славянского языкознания Учреждения образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы"). Обе эти достаточно далекие тематически области объединяет их очевидная социальная направленность. Следовательно, очевидна социальная полезность такого рода знания и социальная направленность информации, призванной к распространению этих знаний. Очевидна и специфика такого рода знаний, которые никак не могут быть отнесены только к "институту науки", а, скорее, являются результатом обобщения существующих

социальных практик. Все это вместе взятое позволяет нам отнести такого рода системы к **социально-ориентированным** (термин наш – Л.Р.) терминосистемам и рассматривать их как результат "опредмечивания" социально-продуцируемого знания и, одновременно, как источник полезного социального знания в процессе распространения социально-полезной информации. Разработка такого рода систем заставляет по-новому взглянуть на многие "устоявшиеся" проблемы терминоведения и зачастую требует разработки новых подходов к определению путей становления, организации и функционирования подобных терминосистем. Тем не менее, исследования такого рода приобретают особую актуальность для прикладной лингвистики, обусловленную, помимо других факторов, спецификой перехода к обществу знания и непосредственной связью с решением проблем устойчивого развития общества.

Социальная, а не узко профессиональная, "направленность" такой терминологии заставляет по-новому взглянуть на проблему мотивированности терминов (рассмотрение подходов к категории мотивированности терминов кратко, но емко представлено в обзоре, подготовленном Е.О. Опариной [10, с. 123-126]). Известно, что среди терминов выделяют мотивированные, немотивированные и ложно мотивированные. Очевидно, что облегчают понимание мотивированные термины. Если речь идет об узком профессиональном общении, то наиболее адекватной представляется понятийная мотивированность, которая зависит от логического суперстрата. Именно такого рода мотивированная терминология продолжает преобладать практически во всех существующих терминосистемах, затрудняя их понимание неспециалистами.

Диахронические исследования терминологии подтверждают тот факт, что "при развитии той или иной терминосистемы первоначально средства номинации ищутся среди имеющихся в языке единиц" [10, с. 125]. Естественная языковая мотивированность существенно повышает степень понимания терминов непрофессионалами. Так, исследования способов раскрытия и введения в газетный текст профессионально-терминологической лексики [11] показали, что общепонятной является специализированная лексика, которая утвердилась в литературном употреблении; легко воспринимаются метафорически обусловленные термины в случае очевидности внешней аналогии, сходства или функционального переноса; не требуют специальных способов введения в текст термины с семантически прозрачной внутренней формой. Естественная языковая мотивированность терминов, как известно, может иметь своим следствием не только процессы детерминологизации, ведущие к полисемии и развитию межфункционально-стилевой омонимии, но и развитие "несовпадения коммуникативных заданий, которые нередко получают термины и номенклатурно-профессиональные слова" [12, с. 3]. При стихийном формировании терминологических систем преобладание естественная языковая мотивированности зачастую приводит к нарушению принципа системности, формированию дефиниционно "разорванной" [10, с. 125] терминологии, минимизируя, таким образом, возможность системного усвоения знаний.

Подводя итог, следует отметить следующее: 1) в обществе знания особое значение приобретают социально-ориентированные терминосистемы, исследования которых необходимо проводить с учетом принципа многоязычия; 2) интеллектуализация общества требует "открытия" предметных терминосистем для непрофессионалов посредством создания широко доступных терминографических продуктов нового типа; 3) необходимым условием упорядочения и разработки новых терминологий является ориентация на естественоязыковую мотивированность, но с учетом необходимости обеспечения системности с целью повышения доступности и минимизации двусмысленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузгалин А., Колганов А. ["Рыночноцентрическая" экономическая теория устарела](#) // Вопросы экономики. – 2004. – Т. 3. – № 3. – С. 36-49.
2. Крон В. Риск (не)знания: о смене функций науки в обществе знания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т.6. – №3. – С. 69-89.
3. Майданский А.Д. Векторы и контуры общества знаний // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 2. – С. 4-12.
4. Джозель М. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Т.2. – №1. – С. 10-37.
5. Kuznets S. Economic Growth and Structure. – N.Y.: W.W. Norton, 1965. – Pp 85-87.
6. Султанов А.Х. Слово и термин. Прологомены к философии имени. – М.: РУДН, 2007. – 207 с.
7. Авербух К.Я. Общая теория термина. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 252 с.
8. Гринев С.В. Терминоведение: Итоги и перспективы // Терминоведение. – М., 1993. – Вып.3. – С. 5-13.
9. Марчук М.В. Развитие и становление значений слов основного терминологического слоя // Проблемы компьютерной лингвистики. – Мн.: МГЛУ, 1997. – С. 44-50.
10. Опарина Е.О. Лексикология. Фразеология. Терминология // Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996 гг. К XVI Международному конгрессу лингвистов, Париж, июль, 20-25 1997 г.: Сборник обзоров. – Сер. Теория и история языкознания. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 108-128.
11. Коготкова Т.С. Профессионально-терминологическая лексика в газете (Способы раскрытия и введения в текст) // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 58-92.
12. Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – 270 с.